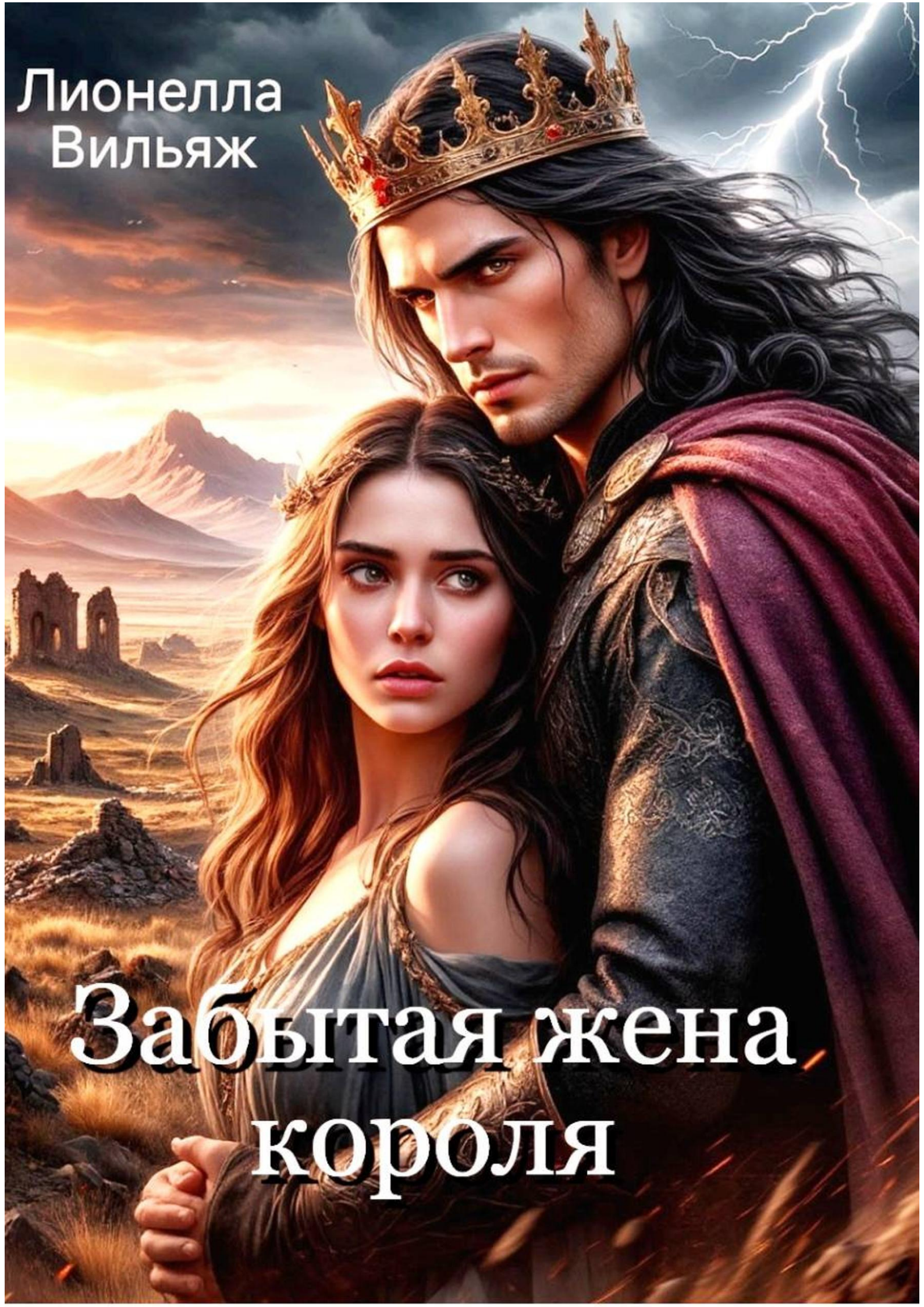

Лионелла
Вильяж

Забытая жена короля

Лионелла Вильяж

Забытая жена короля

«Автор»

2026

Вильяж Л.

Забытая жена короля / Л. Вильяж — «Автор», 2026

Три года брака, королевское кольцо на пальце, общие ночи и тихие обещания — и король смотрит на неё как на чужую женщину, пробравшуюся в его опочивальню. Ни магии, ни объяснений. Только ледяной приказ: убрать её из дворца. Двор молчит. Страх сильнее памяти. Выгнанная в Дикую Пустошь, Элина остаётся одна среди мёртвых земель, в окружении волков со светящейся шерстью и голода. Чтобы выжить, ей приходится забыть о троне и научиться жить одной. Что же произошло с королём и почему он забыл свою любимую жену? И как это выяснить, если её выгнали прочь и шанс подобраться к королю ничтожно мал? А, главное, как вернуть его память и помочь вспомнить ту, которой он обещал любовь до скончания веков? От автора: 16+ Завершено, однотомник. Ставьте звездочки и добавляйте в библиотеку, чтобы не пропустить акции и скидки.

© Вильяж Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро без имени	5
Глава 2. Униженная изгнанница	7
Глава 3. На самом дне	9
Глава 4. Все стало еще хуже.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лионелла Вильяж

Забытая жена короля

Глава 1. Утро без имени

Я проснулась с улыбкой и оглядела потолок нашей королевской спальни. В комнате ещё висела та густая, привычная тишина, которая бывает, только когда два человека делят жизнь годами. Я повернулась набок, потянулась, как делала каждое утро, чтобы коснуться его плеча. Кожа едва успела ощутить тепло его кожи, как он дёрнулся.

Он сел рывком. Одеяло соскользнуло на пол. Его глаза — те самые, тёмные, с золотистой каймой у зрачков, которые я знала лучше собственного отражения — были широко открыты, напряжены, но совершенно пусты. Будто он смотрел и... не узнавал?

— Кто вы? — спросил он. Голос хрипел от сна, но в нём уже звенела сталь. — Как вы попали в мою спальню? Где стража?

Я застыла. Сердце ударилось где-то под рёбрами, тяжело и глухо.

— Аларик, — прошептала я, пытаюсь улыбнуться и оценить эту совершенно несмешную шутку. — Что с тобой? Это я. Элина.

Я снова протянула руку к его запястью. Он отдёргнул её так резко, что моя ладонь ударилась о край кровати.

— Не прикасайтесь ко мне, — отчеканил он. Холодно. Чётко. — Назовите своё имя и объясните, как вы обошли охрану. Это прямое нарушение указа о безопасности двора, и я выясню, кто вас сюда впустил! Поверьте, их ждёт суровое наказание.

Дыхание застряло в груди. Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок.

— Я твоя жена, — сказала я громче, стараясь удержать голос от дрожи. — Мы поженились три года назад. В день осеннего равноденствия. Ты подарил мне это кольцо. — Я подняла левую руку. Серебро тускло блеснуло в бледном свете. — Ты целовал меня вчера вечером. Ты сказал, что утром мы поедem на охоту. Ты... не помнишь?

Он прищурился. Не с нежностью. Не с вопросом. С подозрением, которое уже переходило в раздражение.

— Я не помню ничего из того, что вы сейчас рассказали, — произнёс он низким, ровным голосом, от которого придворные обычно бледнели. — Я просыпаюсь и вижу в своей постели незнакомую женщину в дешёвом кольце, которая рассказывает сказку о свадьбе, на которой меня не было. Кто вас подослал? Северные послы? Мои собственные советники? Или вы просто надеялись, что король проснётся настолько рассеянным, что примет ваши фантазии за правду и позволит вам остаться? Может, рассчитывали на слабость? На минутную слабость, чтобы втереться в доверие?

Щёки горели. Не от стыда. От беспомощности, которая подступала к горлу, как ледяная вода.

— Аларик, посмотри на меня, — я сделала шаг ближе. — Я не сумасшедшая. Я не шпионка. Я твоя жена. Пожалуйста.

Однако он уже рывком в сторону:

— Стража! Сюда! Живо!

Дверь распахнулась. На пороге выросли двое стражников в нагрудниках.

— Ваше Величество? — они отвели взгляд, увидев свою королеву в одной лишь ночной сорочке, а я поспешно закуталась в одеяло.

— Кто впустил эту... женщину? - прогремел голос моего мужа, и его наверняка слышали не только на нашем этаже, а вообще во всём замке.

Стражники недоумевающе переглянулись, не зная, как реагировать.

— Я вас спрашиваю! Языки проглотили! - угрожающе выкрикнул Аларик и указал на меня. — Схватить её!

В спальню вбежал капитан Торин и за ним вошла моя камер-фрейлина Вейра, на ходу поправлявшая сползшую с плеч шаль. За их спинами в коридоре уже собирались придворные. Шуршали подола, кто-то ахнул, кто-то поспешно опустил взгляд. Воздух стал тяжёлым, густым. Никто не смотрел на меня прямо. Одна из фрейлин уронила веер, но не посмела наклониться, чтобы поднять.

— Заберите её, — сказал Аларик, не повышая голоса, но с той тихой властью, от которой люди в зале привыкли отступать. — Уведите прочь и обыщите вещи. Если найдёте письма, печати, яды или что-либо подозрительное — доложите немедленно.

— Ваше Величество, — голос Торина дрогнул. Он сделал шаг вперёд, но тут же замер. Его глаза метнулись к моему кольцу, к моему лицу, к королю. В его зрачках мелькнуло непонимание. И страх. Рука, лежавшая на рукояти меча, слегка дрогнула. — Но она... она действительно...

— Я дал приказ, капитан, — оборвал Аларик. Его взгляд не отрывался от меня. В нём не было жестокости. Была лишь непоколебимая, ледяная уверенность человека, который знает, что в его доме появился чужак. — Исполняйте.

Вейра выступила вперёд. Её губы дрожали, пальцы впились в подол платья.

— Ваше Величество, — начала она, кланяясь, но не опуская глаз. — Прошу вас. Выслушайте хотя бы лекаря. Она... она действительно ваша...

— Выйдите, миледи, — отрезал он. Не злобно. Жёстко. — Вы нарушаете приказ. И своё положение.

Вейра замерла. Я видела, как по её щеке скатилась слеза, но она тут же смахнула её, боясь, что король заметит. Она отступила. Опустила глаза. Промолчала.

Я смотрела на них. На стражников, которые уже шагнули ко мне. На Вейру, которая отвернулась. На придворных, которые стояли в дверях и молчали. Не из равнодушия. Из страха. Из привычки выживать. Трон не прощал сомнений. Даже когда правда стояла перед ними в ночной рубашке, с растрёпанными волосами и кольцом, которое они все видели три года. Кто-то из советников нервно теребил цепочку на шее. Кто-то делал вид, что разглядывает узор на ковре. Никто не рискнул выйти вперёд. Никто не спросил, что происходит. Страх перед короной оказался сильнее памяти.

Я встала. Ноги подкашивались, но я удержалась за край туалетного столика. Холодное дерево впилось в ладони.

— Я уйду, — сказала я. Голос звучал ровно, но внутри всё ныло, как раненая мышца. — Но ты ошибаешься. С тобой что-то случилось. Ты не просто разлюбил. Ты... забыл. И я найду способ это исправить.

Аларик посмотрел на меня. На секунду в его глазах мелькнуло замешательство. Вопрос, который он не мог сформулировать. Но он тут же подавил его, выпрямился, отвернулся к окну.

— Уберите её, — повторил он, уже глядя в сад. — Пока я не изменил решение и не велел казнить эту... женщину.

Стражники взяли меня под руки. Я не вырывалась и позволила вывести себя из спальни, из покоев, в длинный, гулкий коридор. Встречные замирали у стен. Кто-то шептался, пряча глаза. Кто-то молился. Кто-то просто смотрел в пол. Я шла, чувствуя, как за спиной захлопывается дверь моей прошлой жизни. И не могла осознать, как вообще такое могло приключиться. Из королевы я стала изгнанницей? Да что происходит?

Глава 2. Униженная изгнанница

Тяжёлые дубовые двери нашей спальни захлопнулись за моей спиной, но эхо его голоса всё ещё звенело в ушах. «Схватить её». Стражники не отпускали моих локтей, пока мы шли по длинному коридору. Мои босые ступни ступали по холодному мрамору, тонкая ночная сорочка не спасала от сквозняка, бегущего вдоль стен. Я шла, выпрямив спину, хотя внутри всё дрожало, как струна, готовая лопнуть.

Слуги, встречавшиеся нам по пути, прижимались к стенам. Я узнавала лица. Марта, которая каждое утро приносила мне горячий чай с мёдом. Старый слуга Грег, который чинил мои любимые туфли. Фрейлина Триша, с которой мы вместе смеялись над глупыми придворными стихами. Ни один из них не посмотрел мне в глаза. Кто-то уткнулся в рукав, кто-то прикрылся веером, кто-то поспешно отвернулся к окну, кто-то просто замер, опустив взгляд. Тишина была густой, липкой, удушающей. Король приказал. Двор подчинился. Я стала пустым местом.

В конце коридора мы свернули в боковую галерею, ведущую в караульное помещение. Две женщины-стражницы, чьи лица были непроницаемы, как маски, закрыли за нами дверь.

— По королевскому устному приказу, — произнесла старшая женщина со шрамом на подбородке и голосом, не терпящим пререканий. — Снимите одежду. Мы должны убедиться, что вы не несёте с собой запрещённых предметов, писем или ядов.

Я замерла.

— Это же я! Неужели вы тоже перестали меня узнавать? — с отчаяньем в голосе воскликнула я.

Жёсткий взгляд стражницы не изменился:

— Извольте подчиниться приказу Его Величества! Или мы разденем вас, как воровку!

Холод пробежал по коже, но я не позволила себе отступить. Это не было личным оскорблением. И если я сейчас заплачу или закричу, я признаю себя сломленной.

— Я сделаю это сама, — сказала я тихо, но чётко.

Она кивнула. Я развязала ленту на шее сорочки, спустила ткань с плеч. Воздух обжёг кожу. Стражницы двигались быстро, без злорадства, но и без жалости. Их пальцы проверяли швы, подол, манжеты. Одна провела гребнем по моим волосам. Другая заглянула в уши, проверила под коленями. В этот момент я чувствовала себя настолько униженной, как никогда. Они нашли только серебряную шпильку, засохший бутон лаванды и кольцо.

— Это оставьте, — буркнула младшая, отводя взгляд.

Я медленно надела кольцо обратно на палец. Металл был холодным, но привычно тяжёлым. Он напоминал, что я не придумала свадьбу с королём. Что я всё ещё королева Элина. Правда, униженная и низложенная.

Когда я снова завязала ленту на сорочке, в помещение вошёл писарь с длинным свитком. Он не смотрел на меня. Развернул пергамент на грубом деревянном столе, зачитал.

— Оглашаю указ Его Величества короля Аларика Третьего, — произнёс он монотонно, будто читал список поставок провизии. — Женщина, назвавшая себя Элиной и представившаяся королевой, должна быть выдворена прочь сегодня же. Ей запрещён въезд в столицу и все королевские земли. В случае нарушения указа подлежит аресту и суду по закону о государственной безопасности. Подпись и печать.

Слово «суд» меня удивило и напугало. Я знала, что оно означало. В королевстве не было милосердия к тем, кто нарушал покой трона. Даже если трон сам забыл, кому отдал своё сердце.

— Где же мне жить, если вокруг все земли принадлежат короне? — с искренним недоумением спросила я.

Писарь пожал плечом, пряча взгляд, скатал свиток, передал стражнице.

— Конвой до ворот. Если завтра или в любой другой день вас увидят где-либо на землях Его Величества – вас ожидает казнь.

Он вышел, но почти сразу же в караулку заглянула Вейра со стопкой тканей.

Стражницы переглянулись, а затем вышли прочь.

— Наденьте платье, Ваше Величество, - обратилась ко мне верная фрейлина. – И плащ! И вот ещё ботинки из мягкой кожи, чулки и гамашаи.

В сорочке и правда было ужасно стыдно идти по коридорам замка, и я не стала сопротивляться. Торопливо натянув всю предложенную одежду, я позволила фрейлине в последний раз сделать мне наскоро причёску.

— Ваше Величество, — Вейра уже не скрывала слёз. – Куда же вы пойдёте? Я просила пойти с вами, но Его Величество запретил!

— Не знаю, — искренне ответила я, потому что в тот момент и правда не знала, что делать дальше.

— Я поищу способ, как вам помочь! Я на вашей стороне! — с горячностью зашептала фрейлина.

Я не успела ответить, в караулку вновь вошли стражницы и поторопили меня.

Мы вышли во внутренний двор. Утренний туман уже рассеялся, небо было бледно-голубым, безоблачным. Вдали за аркой, виднелись городские ворота. Осенний ветер кружил жёлтые листья, а затем ронял их нам под ноги, и они тоскливо шуршали. Я шла, чувствуя, как каждый шаг отрывает меня от жизни, которую я считала незыблемой. Как будто меня вырезали за ненужностью из красивой картины и выбросили прочь.

У высоких замковых ворот, где мы с Алариком когда-то прощались перед его походами, нас догнал капитан Торин. Он жестом отпустил стражниц. Те отступили, не смея спорить.

— Миледи, — он подошёл ближе.

Голос был тихим, почти шёпотом. Он огляделся, убедился, что нас никто не слушает, и протянул руку. В ладони лежал небольшой кожаный мешочек. Я раскрыла его. Внутри позвякивали золотые монеты. Пятьдесят.

Я вскинула брови:

— Это он велел передать?

Торин поджал губы, покачал головой.

Я кивнула с благодарностью. Аларик меня прогнал, не позаботившись о том, куда мне идти и как выживать, а капитан решил помочь своими собственными сбережениями.

— Король не помнит, — наконец, сказал Торин, не отводя взгляда. — Но я помню. Я помню, как вы кормили раненых воинов после мятежа в долине. Как вы заступились за моего сына, когда его обвинили в краже. Я не могу отменить указ. Но могу дать вам шанс добраться до границы без нужды. В любом из городов вам нет приюта, но Пустошь никому не принадлежит. Спрячьтесь там, и когда Его Величество всё вспомнит, то мы найдём вас.

Я сжала пальцами мешочек.

— Спасибо, Торин, — прошептала я.

Он кивнул, резко, по-военному, и отошёл к караульной будке. Его спина снова стала прямой, непроницаемой.

А я поняла, что мне не дожидаться того дня, когда Аларик вновь вспомнит меня. Ведь Дикая Пустошь на то и дикая, что там никто не выживет. Особенно зимой.

Глава 3. На самом дне

Ворота захлопнулись за моей спиной с глухим, окончательным стуком. Я не обернулась. Не могла. Каждый шаг по выбитой колеям дороге отзывался в груди тупой болью, будто вырывали не меня, а часть позвоночника. Осенний ветер пробирал сквозь тонкую ткань платья, и я плотнее закуталась в плащ, прижимая к груди кожаный мешочек. Пятьдесят золотых. Вся моя жизнь, сжатая до звона металла в ладони.

Капитан сказал о нейтральной территории, но он думал как мужчина. А женщине там не выжить. Я знала карты. Дикая Пустошь – самое опасное место для человека. Не принадлежавшая никому, она стала землёй смерти. Караванщики шептались о ней годами: каменистые тропы, внезапные провалы, страшной силы ветры, волки со светящейся шерстью, вода, горькая от минералов. Зимой там даже огонь не греет.

И защитника теперь у меня нет. Я всхлипнула, вспомнив о муже. Холодный воздух за воротами бил в лицо, но я почти не чувствовала его. В голове, как в разбитом зеркале, отражались обрывки утра. Его пустой взгляд. Резкое движение руки. Голос, в котором не было ни тени привычной теплоты. Это не могло быть естественным. Не могло. Аларик не был человеком, который легко забывает. Он помнил лица слуг, которых не видел десять лет. Помнил даты сражений, клички лошадей, мелодии, которые играли в день нашего помолвочного бала. Три года общей жизни, общие ночи, обещания, шрамы, смех, тишина... не стираются за одну ночь. Не по собственной воле.

Значит, это сделали.

От этой мысли внутри всё сжалось в ледяной узел. Зелье? Чары? Магическая привязка, разорванная намеренно? Я сжимала пальцы в кулаки, ногти впивались в ладонь, но боль была нужна. Она заставляла думать. Если это магия, значит, есть причина. Есть тот, кто это сотворил с моим любимым. Значит, должен быть и способ вернуть память. Но как найти его одной? Без свиты, без средств, без права назвать своё имя? Я была отрезана от трона, от архивов, от лекарей, от тех, кто мог бы помочь. Оставалось только одно: идти туда, где знание хранится в тени.

Я натянула капюшон глубже, спустилась по узкой лестнице в Нижний город. Здесь было опасно бродить не то что леди, а даже обычным женщинам. Но я надеялась, что днём не станут грабить в открытую, а уж я постараюсь здесь не задерживаться до темноты.

Лавки были уже открыты. Я искала вывеску с изображением зелёного листа и серебряной чаши. Нашла в конце грязной улочки. Дверь скрипнула, впуская меня в полутьму. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом сушёного корня валерианы, полыни, воска и чего-то горького, ядовитого.

За прилавком сидел старик в потёртом фартуке. Его пальцы, узловатые и покрытые старческими пятнами, перебирали пучки трав. Он не поднял глаз.

— Что ищете, барышня?

Я оглянулась. В лавке никого не было. Подошла ближе, стараясь говорить тихо, но чётко.

— Мне нужен совет. Человек проснулся и не помнит ту, с кем жил годами. Не просто рассеянность. Полное отсутствие узнавания. Будто вырезали из памяти. Без болезней, без ран, без прямого воздействия. Что это может быть?

Старик замер. Его руки замерли над пучком сушёного зверобоя. Он медленно поднял взгляд. В его глазах не было удивления. Только настороженность и какая-то тяжёлая, знакомая тень.

— Вы говорите об «Очищении мыслей», — прохрипел он. — Или о его старой, забытой версии.

- Очищение мыслей? – удивлённо переспросила .

Старик кивнул:

- О нём мало кто знает. Много лет назад, ещё когда лавкой владел мой дед, был рецепт. Не для лечения, а для отсечения. Он убирал привязанность, стирал чувства. Оставлял ум ясным, а сердце — пустым. Если кто-то им воспользовался, то это запретная магия и очень сильная.

Я испуганно уточнила:

- И его нельзя обернуть вспять?

Владелец лавки покачал головой, задумчиво продолжил перебирать пучки лекарственных трав, но затем ответил:

- То зелье не имеет обратной силы. Но оно нестабильно. Оно рвёт нить, но не обрезает её до конца. Оставляет тонкое волокно, толщиной в паутинку. И если чувство привязанности было сильное, если оно было важно тому, кто забыл... нить можно нарастить заново.

Я подалась вперёд, сердце колотилось.

— Каким образом? Что нужно сделать?

Старик покачал головой, уже отворачиваясь.

— Не знаю рецепта. Не знаю способа вернуть. Говорили, что ингредиенты редкие, а варить его умели единицы даже тогда, во времена моего деда. И помните: если кто-то применил его сейчас, то тот, кто это сделал, не оставит следов. Ищите не в книгах. Ищите в привычках. В запахах. В том, что тело помнит, когда разум молчит.

За окном лавки раздались тяжёлые шаги. Металлический звон доспехов. Городская стража. Проверки после указа шли быстро. Я кивнула старику, положила на прилавок одну монету и выскользнула в переулок, прижавшись к сырой стене. Дыхание сбивалось. Слова эхом звучали в голове: «Ищите в привычках. В том, что тело помнит». Я не знала, что делать, но некая мысль укоренилась в моей голове, и её следовало обдумать. Но сначала нужно было выжить.

Я укрылась в нише заброшенной пекарни, сев на холодный каменный порог. Разум работал быстро, отсекая эмоции, оставляя только расчёт. Написать отцу? Родственникам? Нет. Письмо переправят через королевскую почту. Его вскроют. Моё упоминание об изгнании и просьба о приюте будут расценены как попытка вовлечь иностранных подданных во внутренние дела короны. Предательство. Отец горд, но прагматичен. Он не рискнёт землями и титулами ради дочери, которую сам король назвал чужой. Он вернёт меня на границе, потому что не поверит, что мой муж меня убьёт. Жест лояльности. А указ Аларика ясен: возвращение карается смертью. Я не дам своей семье стать моими палачами.

Уехать в соседнее королевство и жить там, скрывая своё имя? Это возможно. Но на какие средства мне выживать? Я встряхнула головой. Нельзя предаваться унынию. Сначала нужно покинуть столицу. Ближайший безопасный порт — Вейнхольм. Нейтральная гавань, где купцы не спрашивают гербы, а смотрят на монеты. Однако путь лежит через Дикую Пустошь. Но и ждать было нельзя. Уже в полночь я стану здесь преступницей, изгнанницей без права нахождения на этих улицах. Стража быстро прочешет Нижний город. К ночи меня могут найти и отправить в тюрьму. А утром казнить по указу короля. Тот, кто всё это затеял, уж постарается избавиться от меня полностью.

Я встала и пошла торопливым шагом к окраине столицы. Ноги были тяжёлыми, но спина выпрямилась сама. Королева в изгнании или женщина, которая хочет жить — разницы больше нет. Есть только следующий шаг.

Прошло несколько часов, и сумерки накрыли столицу.

Я остановилась на мостовой, пытаясь осознать, что делать дальше. Конюшни, таверны, постоянные дворы — всё было заполнено, закрыто или просто не хотело связываться с женщиной без свиты, без герба и без слуг. Да и маршрут мой не вызывал доверия.

— В Вейнхольм? — переспросил хозяин очередного постоялого двора, вытирая руки ветошью. — Туда путь лежит через Дикую Пустошь. Ни один возница туда не поедет. Волки, разбойники, провалы в земле. Там даже охотники не задерживаются. А впереди зима. Лучше останьтесь дома, барышня.

Кивнув, я шла дальше, но везде слышала отказ.

К вечеру я была у конюшенного двора на окраине. Воздух пах навозом, прелым сеном и дымом.

Мне уже отказали в нескольких постоялых дворах, если откажут и здесь, мне будет конец!

Из темноты вышел человек. Высокий, в потёртом плаще, с лицом, покрытым шрамами от ветров и ножей. Один глаз чуть косил.

— В Вейнхольм? — переспросил он хрипло, не глядя мне в глаза, и грубо рассмеялся. — От чего же ты бежишь? Украла или убила кого? Может, проще схватить тебя и сдать страже? Глядишь, получу награду.

Глава 4. Все стало еще хуже.

— Но я заплачу! — воскликнула я и в отчаянье вытащила кошелек с монетами. Наверное, это и стало моей ошибкой.

Мужчина усмехнулся, хищно глянув на деньги. Прошёлся склизким взглядом и по моей фигуре.

— Тридцать золотых. Вперёд. До перевала. Дальше — сама. Лошадь старая, дорога разбита. Остановок не будет. Соглашайся или уходи.

Я отсчитала монеты из мешочка Торина. Он спрятал деньги за пазуху, кивнул на повозку. Старая, на железных ободах, с верхом из плотной ткани, но провисшим от времени.

— Найдёшь меня здесь на рассвете, — недобро ухмыльнулся возникший. — Моё имя Гарт.

— Благодарю, — прошептала я и поспешила на постоянный двор.

Я закупила у владельца двора всё, что могла позволить: солёную рыбу, чёрствый хлеб, мешок крупной соли, флягу с водой, шерстяное одеяло, немного муки и огниво. Самое дешёвое, но как можно больше. И маленький железный нож с костяной рукоятью. Тот усмехнулся: «Для резки яблок, барышня?» Я не ответила. Просто сунула его за пояс. Металл холодил кожу. Впервые за день я почувствовала что-то похожее на контроль.

Мы выехали на рассвете. Повозка стонала на каждой кочке. Гарт ругался, не стесняясь выражений. И, похоже, сильно спешил. Я сидела, укрывшись одеялом, глядя в щели, как пейзаж меняет цвет. Зелёные поля сменились серым вереском, затем голыми скалами и скрюченными соснами, цепляющимися за каменные уступы. Воздух стал тоньше, резче. Осень входила в свои права. К полудню дорога сузилась до тропы, высеченной в склоне горы. Слева — отвесная стена. Справа — обрыв. Внизу, в глубине ущелья, змеилась тонкая, серебряная нить реки. Ветер выл в расселинах, как раненый зверь.

Повозка дёрнулась. Остановилась.

Я услышала, как Гарт спрыгнул на камни. Потом — молчание. Слишком долгое. Слишком тяжёлое. Я высунула голову.

Он стоял в трёх шагах. Рука лежала на рукояти длинного охотничьего ножа за поясом. В его глазах не было злобы. Только расчёт. И привычка к лёгкой добыче.

— Кошель, — сказал он. Голос ровный, без угроз. Просто факт. — Отдай золото. Оставлю нож.

— Ты получил плату, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Уговор был до перевала.

— Уговор там, где я решаю. — Он сделал шаг ближе. Сапоги хрустнули по гравию. — Отдай всё, что припрятала. А также украшения.

— У меня нет ничего! Я закупила провизию, — воскликнула я со слезами на глазах.

Он недобро ухмыльнулся:

— Твоё кольцо недёшево, а руки слишком холёные для простой путешественницы. Сдаётся мне, и тело твоё белое, как у знатной барышни. Вот сейчас и проверим.

Он сплюнул, растянул губы в пошлой ухмылке.

Задержав дыхание, я посмотрела вниз и в стороны от узкой дороги. Обрыв уходил в туманную глубину. Вверх — скала. Назад — тяжёлая повозка, заблокировавшая узкую тропу. Вперёд — человек с ножом. Я была одна, бежать некуда. Нет Аларика. Нет никого, кто мог бы меня защитить. Только я, ветер и железное лезвие, которое Гарт уже доставал из ножен.

Я вспомнила про своё оружие, пусть оно не справится с этим мужчиной, но хотя бы у меня будет шанс защитить себя самой. Пальцы сомкнулись на рукояти моего ножа. Металл был ледяным, но ладонь вспотела. Страх бился где-то под рёбрами, тупой и горячий, но я не дала ему вырваться. Я вспомнила утро. Пустые глаза Аларика. Указ. Унизительный обыск. Слезы

Вейры. Молчание двора. Я уже прошла через падение. Разве я позволю оборванцу с дороги добить меня, потому что он решил, что изгнанница — лёгкая цель?

— Ты думаешь, я просто женщина, которая боится за свою жизнь и будет согласна на всё? — сказала я тихо. Ветер трепал волосы, но я не моргнула. — Ты ошибаешься. Я женщина, которая пережила потерю всего ещё до полудня. Что заставляет тебя думать, что я сломаюсь сейчас?

Гарт усмехнулся. Усмешка не коснулась глаз.

— Посмотрим, — ответил он.

И сделал ещё шаг.

Ветер стих. Ущелье затаило дыхание. Я медленно перенесла вес на левую ногу, чувствуя, как камень впивается в подошву. В промежутке между страхом и выбором. Нож в моей руке казался игрушечным против его клинка. Но у меня была не сталь. У меня была отчаянная, и ярость человека, которому нечего терять, кроме остатков гордости.

Я приготовилась. Воздух между нами повис, натянутый, как тетива. И в этот момент скалы над нами задрожали.

Нет, не задрожали. Завыли. Но не от ветра.

Из-за каменных уступов, будто выплывая из самой тени ущелья, вышли они. Волки. Не те серые лесные хищники, что бродят у королевских застав. Эти были крупнее, с тяжёлыми плечами и шерстью, которая даже днём отливала синеватым, призрачным светом. Будто в их шкуру вплели молнии и магию. Глаза горели ровным, холодным светом. Их было не меньше десятка. Они не рычали. Просто шли. И от этого молчания кровь стыла в жилах.

— Святые угодники... — выдохнул Гарт.

Нож в его руке дрогнул. Он попятился, споткнулся о камень. Никто не хотел связываться с этими волками. Говорили, что они не боятся огня и идут на запах страха.

Вожак стаи, огромный зверь с серебристой отметиной на лбу, прыгнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.